

В. И. Дьяченко

**ЖЕНЩИНА В ТУНДРЕ
(гендерная роль долганки
в традиционном оленеводческом хозяйстве)**

В статье рассматривается проблема гендерной дифференциации в кочевом обществе оленеводов Таймыра — долган. Автор показывает, что гендер служил особым маркером их общественного строя и проходил красной нитью через все вехи жизненного пути человека. Анализ материала, посвященного ведению хозяйства, свидетельствует о строгом распределении труда между мужчинами и женщинами, в результате чего женщина играла важную роль в жизни общества, что обеспечивало ей достаточно высокий статус. Это во многом способствовало формированию в соционормативной и духовной культуре особого женского пространства, играющего значительную роль в экономике и идеологии долганского общества.

Ключевые слова: социальные отношения, гендерный аспект, долганы.

Vladimir I. Dyachenko

**THE WOMAN IN THE TUNDRA
(the gender role of the dolgan
in traditional reindeer-breeding economy)**

Gender differentiation in nomadic Dolgan reindeer herders society in Taymyr is considered in the article. The author shows that gender served as a special marker of their social system and passed a red thread through all life stages. The analysis of the material on the conduct of the nomadic economy shows a strict division of labour between men and women, in which women played an important role in society that it provided a sufficiently high status. This is largely contributed to the formation of socio-normative culture of a women's space, which played a significant role in the economy and ideology Dolgan society.

Keywords: social relations, gender aspect, Dolgan.

Жизнь в стойбище течет медленно. Вижу занятых делом лишь женщин. Мужчины сидят на оронах, покуривают, занимаются беседами. Олени пасутся недалеко. Промысел песца окончен. Грузоперевозки тоже. Остается сняться с места и начать правильную жизнь в кочевках. Однако и летом, и зимой женщиныотягощены значительно большими заботами и работой, нежели мужчины. На женщине лежит все домашнее хозяйство, связанное с приготовлением пищи, чаев и уходом за детьми. Пошивка одежды, мятье шкур, съемка шкур с песцов и иногда с битых оленей, заготовка льда и даже колка дров и другие часто мужские работы. Все это отражается на здоровье женщины. Женщины выглядят плохо. Уже средних лет женщина — поблеклая, плоскогрудая, изможденная. В работу втягивается рано, с 10–11-летнего возраста... [СПбФ АРАН. Ф. 745. Оп. 1. № 12. Л. 170].

В долганском традиционном обществе издавна имело место разделение труда на основании половой принадлежности. Гендерные роли обуславливали то обстоятельство, что хозяйственная активность была делом мужчин, а ведение домашнего хозяйства — неременной обязанностью женщин. Это привело к известной экономической зависимости женщин от мужчин и нашло отражение в характере распределения занятий между ними.

Если пол человека определяется при рождении, то гендерное соответствие формируется в процессе воспитания и социализации. Так, процесс становления мужчины или женщины означает формирование соответствующего поведения, привычек и, в определенной степени, внешних данных. В результате образуются модели поведения для мужчин и женщин в зависимости от гендерных стереотипов — того, что в обществе считается «типично мужским» или «типично женским». Предрасположенность к «перетеканию» некоторых характерных черт из «мужского» в «женское» и обратно характеризуется такими небезызвестными оценками людей, как «мужеподобная» и «женоподобный».

В круг обязанностей долганской женщины входили: уход за детьми, приготовление пищи, заготовка топлива, установка чума и многие виды работ, связанных с перекочевками, в частности укладка вещей, навьючивание оленей, разбор поклажи. Выделка оленьих и песцовых шкур, изготовление ниток из сухожилий оленя, шитье, доение важенок, сбор ягод и корней также были делом женщин.

Воспитание детей полностью возлагалось на мать. Начальные трудовые навыки также прививались ребенку матерью. Долганской женщиной в домашнем воспитании много внимания уделялось местным традициям и обычаям, с которыми детей знакомили, как правило, мать или бабушка. Обязательным считалось воспитание у детей таких качеств, как трудолюбие, уважение к старшим, бережное отношение к природе. Многие исследователи и путешественники отмечали, что долганских детей, так же как и детей других северных народов Сибири, наказывали крайне редко. Чаще всего наказание выражалось осуждением за проступок и ограничивалось словесным порицанием.

Дети растут в этой непрерывно бродячей обстановке. Свыкаются с урасой (чум. — В.Д.). С разностью температур в урасе зимой, ночью и днем, когда топится железная печь, раздетыми при -30-40 выбегают на воздух. Здоровы. Простудных болезней совсем я не наблюдаю и у детей, и у взрослых <...> Я не слышал ни разу простудного кашля. Не знают они почти совсем насморка и проч. болезней... [СПбФ АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 18. Л. 30].

Многодетность у долган всегда считалась высшим благом, в то время как для семейных пар, у которых не было детей, это было большим несчастьем. Нерожавшую женщину, так же как и бесплодную важенку оленя, долганы называли *бангай* [Попов 1946: 50].

С момента осознания беременности поведение женщины подвергалось некоторым запретам и ограничениям, главным образом

в отношении пищи, с целью предохранения будущего ребенка от физических недостатков.

Как отмечал А. А. Попов, западные (норильские) долганы полагали, что девочки вынашиваются в утробе матери на один день дольше мальчиков. Трудно объяснить, почему мнение северных кочевников было таковым. Возможно, это было связано с тем, что в связи с огромным объемом выполняемых хозяйственных работ в семье, а также для пополнения семейства ей требовалось больше жизненной энергии.

Для первого новорожденного на второй-третий день изготавливали колыбель (*биһик*). У долган существовали некоторые запреты в отношении *биһик*. Например, говорили: «*Иччитэк биһиги билээмэ — иччилэниэ*» («Пустую колыбель не качай — [иначе она] приобретет хозяина»; имелось в виду: приобретет *иччи* — духа-хозяина места. — В.Д.) и др. В семье, где было много детей, люльку передавали от одного ребенка к другому. Если в колыбели спал ребенок, страдающий каким-либо недугом, ее уже не использовали для другого ребенка [Рудинская 2011: 27].

Прежде чем впервые уложить младенца в колыбель, туда клали собаку и некоторое время укачивали ее, полагая, что находящийся внутри люльки нечистый дух вселится не в ребенка, а в собаку. При новорожденном опасались упоминать имя злого духа (*абааһы*) [Попов 1946: 52].

Основу *биһик* — колыбели — составляли два тонких дугообразно изогнутых борта и днище из притороченных к ним тонких поперечных досок. Длина ножного борта составляла около 50 см, головного — была несколько меньше. Их высота доходила до 20 см. Концы головного борта снаружи накладывались на концы ножного борта, и края их были срезаны по линии дна. К боковым стенкам головной части колыбели при помощи ремешков подвижно прикрепляли дугу из тальникового прута, которая могла подниматься и откидываться назад. В приподнятом состоянии она удерживалась длинным ремешком, привязанным к переднему и заднему концам колыбели. На эту дугу сверху набрасывали ситцевый платок или кусок легкой ткани для защиты ребенка от мух и комаров. К концам дуги привязывали медные подвески в виде плоских

дисков и шариков с «ушками», своим звоном занимавшие ребенка при укачивании. К задней стенке снаружи колыбели привязывали ремennую петлю, такая же петля имелаь и на передней стенке люльки. Это позволяло подвешивать люльку к жердям чума или на сук дерева, легко закреплять ее на грузовом седле. При летних перекочевках колыбель перекидывали через седло оленя и при помощи этих петель стягивали ее подпругой. Такие колыбели были распространены не только у ближайших соседей долган — эвенков и северных якутов, но и у юкагиров, тунгусоязычных народов Амура. Этот тип колыбели исследователи относят к забайкальско-амурскому или ороченскому типу [Хомич 1994: 122], что неудивительно, принимая во внимание происхождение долган.

В колыбель укладывали маленькие матрас и подушку, а овальный вырез на дне у изголовья затягивали куском оленьей шкуры или ровдуги. Матрасик набивали тщательно перетертыми сухими листовничными гнилушками или сухим мхом. Мягкие волокна трухи поглощали влагу, и подмочившийся ребенок оставался сухим во время перекочевок. Следует отметить, что во время зимних и весенних длительных переходов ребенка обычно не вынимали из колыбели. Для сохранения тепла колыбель помещали в чехол, сшитый из оленьей шкуры. Обычно ребенка укладывали в колыбель завернутым в меховую шкурку зайца или *тугута* (олененка на втором году). Чтобы ребенок не выпал из колыбели, ее зашнуровывали ремнями (рис. 1а–г).

Особенности конструкции колыбели, состоявшей из двух частей, соединенных ремнями, позволяли легко приспособивать ее как для лежачего, так и для сидячего положения ребенка. В условиях кочевого быта это было весьма важным обстоятельством, так как дети пользовались колыбелью до трех-четырех лет и во время перекочевков должны были находиться в них в течение многих часов. Их не доставали из колыбелей даже тогда, когда матери кормили младенцев грудью.

Летом грудного ребенка (в возрасте до одного-двух лет) клали в люльку и помещали на время аргиша в лодку, поставленную на нарты, а с 3–4 лет детей уже приучали к верховой езде: их сажали на верхового оленя, который шел слева от матери (рис. 2).

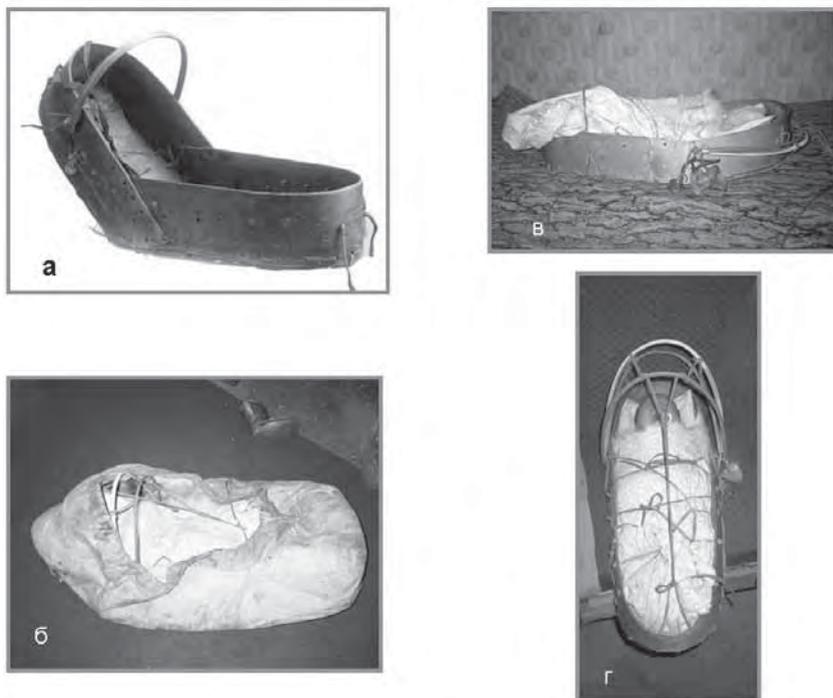

Рис. 1: а) детская колыбель; б) колыбель в меховом чехле; в) колыбель с оберегом на боковой стороне; г) ребенок в колыбели.

Фото автора

Согласно традиционным верованиям долган, новорожденному, особенно в первые дни его жизни, угрожали многочисленные злые духи — *абааһы*. Желая предохранить ребенка от их вредоносного воздействия, долганы подвешивали к колыбели мальчика с левой стороны деревянный или железный лучок со стрелой, с правой стороны — деревянную модель ножа в ножнах: с одной стороны, чтобы он стал удачливым охотником, с другой — это должно было отпугивать *абааһы*. К колыбели девочки подвешивали только модель ножа — также с целью охраны. Обычно под подушку или матрац ее люльки клали ножницы, чтобы девочка выросла мастерицей.

Над люлькой часто подвешивали блестящие предметы: серебряные пластинки, ложки, серьги. Если таких металлических пред-

Рис. 2. Дети верхом на оленях. Фото автора

метов не было, то вешали шкурку зайца. Считалось, что блеск металла, так же как белый цвет, отпугивал злых духов. По поверьям, чтобы ребенок не стал глухим, к люльке младенца на уровне его ушей привязывали первый шейный позвонок оленя — атлант (*орбойон*) (см. рис. 1). Под подушку младенцу часто клали высушенную птицу дикушу — «чтобы душа ребенка не ушла». Эта птица не только охраняла спокойствие ребенка и оберегала его от болезней, сглаза, но и защищала покой всего жилища.

Семьи, в которых умирали дети, старались защитить оставшихся в живых. Для этого старой многодетной родственнице предлагали купить ребенка за символическую цену. «Покупательница», посетив жилище родителей, зажигала перед иконой свечу и говорила: «Я — старуха, воспитавшая много детей. Бог, присоедини мне этого ребенка, чтобы я могла сделать (его) сверстником своих детей!» «Купленный» ребенок по-прежнему оставался в чуме у родителей. Полученную за него «плату» родители расходовали на покупку свечей и ладана [Попов 1946: 56].

Если ребенок вел себя беспокойно, родители думали, что к нему по ночам приходит злой дух. Чтобы его прогнать, шаман изготавливал

вал маленькую деревянную фигурку — «детского друга» (*ого догоро*), которую привязывали к внутренней стороне люльки. Если ребенок продолжал вести себя беспокойно, непрерывно плакал и сильно худел, это считалось результатом воздействия на него более сильного духа — девки *абааһы*. Если больным был мальчик, родители полагали, что этот злой дух приходит к нему ночью и беспокоит, пытаясь вступить с ним в половое общение. По этому случаю в старину просили камлать шамана. Он делал из гнилого дерева стилизованную фигурку женщины и, втянув губами из ребенка девку *абааһы*, внедрял ее в это изображение. Затем шаман делал вид, что вступал с нею в половую связь, после чего отправлял ее в подземный мир. После камлания эту фигурку закапывали в землю [Там же: 58].

В первые месяцы жизни (до 5–6 месяцев) родители старались лишний раз не показывать ребенка чужим людям, опасаясь человека с «дурным» взглядом. Родители всевозможными способами стремились оградить ребенка от злых духов, различных болезней, ненужных контактов с незнакомыми людьми. Только отец, мать и самые близкие родственники могли ласкать ребенка. Посторонним людям не разрешалось целовать малыша. Когда в жилище появлялись гости, люльку с ребенком накрывали легкой тканью. Запрещалось в присутствии гостей кормить ребенка грудью. Если возникала в этом необходимость, то кормящая мать садилась в стонке спиной к присутствующим.

Чтобы сбить с толку злых духов, младенцу обычно вместо имени давали какое-либо прозвище. Этот обычай сохраняется до настоящего времени, а к примеру, в 1930-е годы в похозяйственных списках эсеевских якутов, которые вошли в состав предков долган, детей до трех лет записывали не по именам, а по прозвищам. У пяти детей против имени было помечено *аата-суох*, то есть имени нет, у остальных — *Кыскан* (котенок), *Белка*, *Бахырҕас* (собачья кличка) и т.д. [Гурвич 1977: 117].

Оригинально — местные туземцы очень любят своих детей, но сплошь и рядом не знают их имени. При опросе отец своих детей обращается к посторонним: как звать его сына? Нередко за такой же помощью

обращается к посторонним и от имени его жены [СПбФ АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 18. Л. 99] (Хатангский район, р. Нючча дьиэлях, 18.01.1935).

Именно стремление оградить своего ребенка от внешнего негативного воздействия приводило к непониманию приезжими «с материка» ситуации, сложившейся с детскими именами.

Если новорожденный был похож на одного из умерших предков, говорили, что в него перешла его душа (*кут*), и этого ребенка называли нехристианским именем умершего предка. Несмотря на то что официально долганы считались православными, многие из них обладали и нехристианскими именами. Особенно это относилось к долганам, кочевавшим в Норильском районе. Редко встречающиеся у них христианские имена были более известны в своей уменьшительно-уничижительной форме, например Ванька, Лимка (Филимон), Филька и т. д., хотя носящим эти имена было по 70–80 лет [Попов 1946: 55].

Если ребенок часто болел, старые люди обычно говорили: «Это ваш недуг» — и советовали дать ему собачью кличку. Чаще всего это практиковалось по отношению к девочкам, которых называли собачьими кличками: *Басыргас*, *Биалка*, *Сукачан* и др. (последнее имя — «сучка» — носила хозяйка чума, с которым А. А. Попов кочевал летом в Норильском районе; это не мешало ей быть женой одного из самых почтенных и уважаемых долган) [Там же]. Если ребенок плохо спал, был беспокойным, плакал, плохо сосал грудь, все начинали искать ему новое имя, поскольку прежнее считалось несчастливым.

Несчастливые имена обычно заменялись новыми после камлания шамана. Подобные имена-обереги оставались для человека на всю жизнь. По воззрениям долган, когда злой дух приходил к наделенным собачьими кличками детям, чтобы съесть их, то уходил обратно ни с чем, так как думал, что вместо человека нашел собаку.

Мальчикам часто давали имена, связанные с орудиями промысла и традиционными верованиями. Так, имя *Дансайбул* происходило от слова *дису*, означавшего костяную пластинку, предохраняющую руку от удара тетивы. По мнению родственников новорожден-

денного ребенка, это имя должно было охранять его носителя от всяких болезней, являющихся результатом воздействия злых духов. Имя *Турубел* происходило от слова *туру* — «шаманский столб», символизировавшего священное мифическое дерево, где обычно находится душа ребенка под защитой духа — хозяина дерева [Там же: 55–56].

Называли долганы детей и русскими именами, но произносили их по-своему: Огдо — Евдокия, Мукулай — Николай и т.д.

Именослов долган формировался под влиянием якутских, эвенкийских и русских имен и фамилий. Очевидно, на это повлияли межнациональные браки, совместное проживание и культурное взаимодействие. Долганское имянаречение было обусловлено историей происхождения народа, фольклором и традициями. Долгое время среди северных кочевников был распространен следующий обычай: при рождении ребенку давали имя согласно его внешнему виду, по названию местности, в которой он родился, или по поводу какого-либо события.

Имя, придуманное матерью, часто имело единственного носителя (то есть оно ни у кого не повторялось), поэтому исчезало вместе с уходом человека из жизни. Но если ребенок походил на кого-либо из семейного окружения, долганы говорили, что в него вселилась душа умершего родственника, и называли новорожденного именем предка.

Долганская исследовательница Е. С. Бетту, собравшая уникальный материал об этимологии некоторых долганских личных имен, сообщает следующее: «Имена, ассоциированные с поведением ребенка: *һапсыа* — от слова *һапсыһар* (то есть машет руками). Носительница этого имени — Аксёнова Ф. М., с ее уходом из жизни ушло и имя, оно не повторялось. Родилась слишком резвая, вертлявая девочка. Ее назвали *Тёлёр* (от слов *тыял* — “ветер” и *лёрюё* — “бабочка”). Носитель этого имени Лаптукова Н. Н., она и во взрослой жизни подвижная, быстрая — тем самым оправдывает свое детское имя.

Имена по внешнему виду и по месту рождения. Родилась девочка беленькая, красивенькая (по родословной у нее русские корни) — назвали *Боскуо*, то есть красивая. Родился мальчик на берегу озера Таймыр — [его] назвали *Тоймуо...*» [Бетту 2010: 16–17].

Женские прозвища у долган часто переходили в имена, например:

Абадаай — так ласково назвала мама;
Абадии — неправильно произнесенное русское слово “обожди”;
Аан дойду — (прибл.) любит бродить везде и всюду;
Аллаак — устремленная;
Арбаай — лохматая, нерасчесанная;
Дар эмээксин — повитуха;
Дьабаан — грубого телосложения, беспардонная;
Дьабыла — меховые чулки;
Истэк — кислое растение;
Кирдик — правдивая;
Кэлтээ — хромая;
Куччунэр — маленького роста;
Кыrsa эмээксин — песец-старуха;
Лабьы — слишком разговорчивая;
Лэкэттэ — быстрая, как будто летает, словно утка;
Ньокоо — болезненная;
Ороотии — недоросшая;
Оммойук — не доросла;
Пэчиэ — пестрая;
Нартаайка мотуруон — пухленькая;
ha-ha — хохотушка, шутливая;
ноккор — одноглазая;
нубуруу — долговязая;
Токурчыы — кривая;
Таба халай — оленем управляй;
Тырымпаа — беспардонная, болтливая;
Тыллыа — языкастая, болтливая;
Ырта — слишком раскосые глаза;
Тополе — очень маленькие губки;
Ыт Барба — ворчливая, злая, как собака [Там же: 20–22].

Приведем некоторые долганские имена, которыми нарекали мальчиков: *Чуучук* (новорожденная собачка-щенок), *Каастыыр*

(охотится на гуся), *Чычаак* (птичка-старик), *Кулаа* (кличка собаки), *Кюёртэ* (сероватая собачка), *Мойтрук* (кличка собачки, у которой вокруг шеи была белая полоса, как ошейник), *Пэчиэй* (пестрая собачка), *Конор* (как гусь гуменный — с большим носом), *Кырынаас* (горностай), *Лэнкэй* (сова), *Кутуйак* (мышонок), *Кыым ылааччы* (собиратель искр) [Там же].

Мать обычно кормила ребенка грудью до достижения им годовалого возраста, но иногда до двух-трех лет. Летом грудных детей прикармливали оленьим молоком, разбавленным водой. Детскую соску эмсэк заменял небольшой кусочек мягкой мышцы с задней ноги оленя или подколенный жир животного. Его протыкали вдоль тонкой палочкой так, чтобы ребенок, взяв эту «соску» в рот, случайно не подавился, когда лежал в люльке. С ранних лет ребенок привыкал к мясной и рыбной пище, которую для малолетних детей нарезали мелкими ломтиками или толкли.

На третий день после родов приглашали гостей, закалывали оленя, полученного от отца ребенка, и устраивали угощение. В тот же день роженица вставала с постели, и по этому случаю происходил обряд очищения. Бабка окуривала роженицу, новорожденного, себя, помощницу и все вещи, которые они трогали, можжевельником или смолой дерева, помещенной в ковш с горящими углями.

Присутствующие на угощении друзья и родственники одаривали ребенка оленями-телятами (до второго года) и разными вещами. При рождении девочке из состоятельной семьи выделяли пару оленей, приплод от которых считался ее личной собственностью. Своими оленями, имуществом и деньгами, полученными в подарок от родственников, женщина и после замужества распоряжалась так, как считала нужным. Девочке дарили украшения для детской парки и детской обуви. В качестве подарка преподносили также одеяло, сшитое из лапок песка или заячьих шкурок, пыжики на детскую парку, меховую поддевку. Подаренную маленькую подушку набивали оленьей шерстью (*һыттык*).

Мальчику дарили шапку-капор, парку, меховую обувь с длинными голенищами, кожаный пояс с ножнами, маут (аркан). Кроме того, ребенку дарили оленя, желательно, важенку, которая приносила приплод и являлась символом благосостояния. Если накануне

или в день рождения ребенка отец добыл зверя (лису, волка, песца), новорожденного считали счастливым человеком и полагали, что он станет удачливым охотником.

Кроме подарков, мать в обязательном порядке шила для новорожденного следующие предметы: одеяло (*һуоорган*), меховой чехол для люльки (*кюкююль*), меховые штанишки (*алакии*), меховые короткие унты (*чорчокоот*), меховую безрукавку, обшитую материей (*һэлиэччик*).

К концу первого года мать готовила ребенку новые вещи, необходимые для прогулок и поездок на оленях. Она шила следующие предметы одежды: меховую шубу-поддевку под парку (*һон*), меховую безрукавку, обшитую материей, сокуй со стриженным мехом (*кырпа һокууй*), меховые ползунки (*алакии*), меховые короткие унты (для повседневной носки) (*тээбиин чорчокоот*), меховые чулки (*дьабыла*).

Детей с раннего возраста учили пользоваться острыми предметами и обучали изготавливать необходимые для жизни предметы. Обычно обучение проходило в форме и посредством игр. Мальчик к семи годам мог набрасывать маут на рога воображаемого оленя, а девочка умела сплести жильные нитки (*тулаайак*, *һан*, *утак*) [Антонова 2006: 179].

К детям, включая внебрачных, долганы относились добросердечно. Мальчиков ласкательно называли *кюся* (от русского слова «хозяин»), девочек — *кычай* или *кюсяйка* — «хозяйка». Детей наказывали очень редко; особенно предосудительным считалось плохо обращаться с ними в присутствии гостей, чтобы те не могли подумать о родителях плохо.

Ребенка родители старались оберегать всевозможными средствами. У левобережных, «заречных» (заенисейских) долган рода Донгот мать не отпускала от себя ребенка до тех пор, пока он не будет в состоянии самостоятельно ходить по тундре, и даже идя в гости, брала его с собой, ведя за руку. По объяснению А. А. Попова, это делалось для того, чтобы между нею и ребенком не мог пройти посторонний человек [Попов 1946: 57].

Когда ребенку исполнялось 6–7 лет, то независимо от пола ему протыкали иглой мочку уха и через отверстие пропускали ниточку,

свитую из человеческих волос. Согласно традиционным представлениям долган, когда человек умирал, злой дух смотрел на его уши и, если они были не проткнуты, отрезал их и употреблял вместо ложек. Проткнутые уши злой дух не трогал, так как дырявой ложкой нельзя было черпать пищу [Там же: 58].

Сидит женщина. В чуме полутьма из-за горящего жирника. Вокруг — трое детей в возрасте от 3 до 5 лет. Женщина-мать курит <...> Дети возятся друг с другом. Главная их игра — с трубкой. Девочка постарше набивает трубку, курит, меньшая ей подражает, взяв в рот палочки. Игрушек нет. Женщина дает им нож. Затем щепу. Из щепы они строят себе оленей, птиц. Чаще условно, без отделки их и придания формы [СПбФ АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 12. Л. 77].

Сначала, то есть со времени рождения ребенка, его воспитывала мать, а с 6–7 лет воспитание становилось раздельным: девочку опекала мать, мальчика — отец. Именно отец был у долганского мальчика первым учителем в воспитании будущего оленевода, охотника и рыболова. В процессе трудового воспитания долганы давали детям первые представления об окружающей природе и конкретных способах ее хозяйственного освоения.

Родители с раннего возраста приучали детей к труду. Для этого у них было все необходимое: маленькие маут, сети, нож, оленья упряжка, которыми родители учили пользоваться. Особое место в трудовом воспитании детей занимала игра. Почти все игры были связаны с бытом и традиционными занятиями: оленеводством, охотой, рыболовным промыслом.

Для игр отец обычно вырезал из дерева фигурки оленей. Расставив этих оленей, запрягая их в игрушечные нарты, дети «ездили» друг к другу в гости, пасли игрушечных оленей, «совершали перекочевки», «отправлялись на охоту», «рыбачили», подражая старшим в своих играх. Фигурки оленей вырезали из тальника, причем довольно условно: рога представляли собой один или два передних зубчатых отростка. Дети с раннего возраста знали половозрастные

названия домашних животных: *атыыр* — самец, пороз дикого оленя с раздвоенными рогами, *тыһы тарагай* — важенька-двухлетка, *тыһы* — взрослая важенька и др., — все эти названия из оленеводческой терминологии дети усваивали сызмальства.

Иногда вместо резных оленей в игрушечные нарты «запрягали» оленей, сделанных из оленьих зубов. Верхового оленя изображал *энгээрэкэн* — астрагал, надкопытный сустав ноги животного, всадников — *кокооско* — фаланги оленей.

В качестве игрушек использовали также вырезанные из дерева изображения гусей, уток, собак. Фигурки ставили на колесики, чтобы дети могли их катать. Как и в семьях северных якутов, одной из любимых игр долганских детей была игра в пастуха. Для этого они размещали на земле или полу свои игрушечные стада, используя всевозможные щепочки, камушки, «окарауливали» их с помощью игрушечных собак, «перегоняли» с одного пастбища на другое, повторяя действия своих отцов и старших братьев.

В качестве игрушек для мальчиков были распространены детские ножи и луки со стрелами, изготавливаемые обычно из прутьев ивняка. Выбатывая меткость, они упражнялись в стрельбе по неподвижным и подвижным целям.

Зимой дети, особенно мальчики, играя, учились ловить оленей арканом. Для этого они устанавливали рядом головы убитых оленей и набрасывали на рога аркан. Таким образом, с малолетства дети учились ловкости и меткости, которые были необходимы долганам при ловле оленей. Они старались набросить маут и на стоящего на отдыхе оленя. За этим занятием они проводили целые часы, во время которых пытались незаметно подкрасться к оленю, прячась за кустами и кочками.

Кроме фигурок животных и птиц большое распространение среди долганских детей получили такие игрушки как *ураһа* — тонкие палочки, нанизанные на ниточку через отверстия на одном конце, которые изображали шесты чума. Во время летних перекочек через концы шестов таким же образом пропускали ремень, который привязывали к грузовому седлу оленя. Долганские дети из стилизованных фигурок оленей, нарт, нартенных чумов составляли целые аргиши — караваны, устанавливая их длинными рядами.

Пээрикээн (деревянная юла) представляла собой деревянный диск с отверстием посередине, куда вставлялся заостренный стержень. Верхнюю сторону круга разрисовывали растительными красками в виде прямых линий, расходящихся от центра к краю, пересеченных концентрическими кругами.

Мёёчюк (детский мяч) — комок, образовавшийся из слизанной оленем собственной шерсти, скатавшейся в шарик внутри желудка животного.

Куклы детям делали из оленьих астрагалов и фаланг оленей, которые обертывали материей или бумагой. У мужской куклы, в отличие от женской, не было головной повязки в виде платка. Остов тряпочной куклы, которую нянчили девочки, часто служил сучок дерева длиной 15–20 см с развилкой. Конец сучка закругляли и придавали ему вид человеческого лица, а развилка изображала ноги. Остов обшивали тряпочкой, затем кукле шили одежду и готовили постельные принадлежности — одеяло и подушку. Девочки старались сшить ей одежду такую же, какую носили сами и их родители.

Фигурки, обозначающие оленей, делали также из разломанных спичечных коробок или щепок. Их загибали посередине под прямым углом и в приподнятой части расщепляли в виде оленьих ветвистых рогов или целиком вырезали из куска дерева. Также оленей делали из гусиных носов. Для этого брали плечевую кость гуся и проталкивали ее через ноздри гусяного носа. Получался олень с двумя рогами (рис. 3).

Детский возраст у долган заканчивался очень рано: 8–9-летних детей считали уже взрослыми, они имели своих оленей, на которых ездили. Мальчики 10–12 лет получали право самостоятельно охотиться на диких оленей и участвовать наравне со взрослыми в общем разговоре и во всех семейных совещаниях.

С 6–7 лет девочек учили шить, поручали им уход за младшими братьями и сестрами. Они помогали матери не только готовить пищу и заготавливать продукты на долгую зиму, но и собирать и разбирать чум, упаковывать имущество на время перекочевков, ловить ездовых оленей. Все это являлось подготовкой к их дальнейшей самостоятельной жизни. В 10 лет они умели выделять

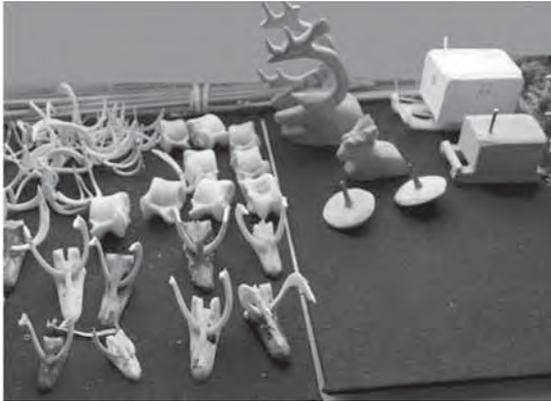

Рис. 3. Детские игрушки (астргалы, фаланги, зубы оленя и др.).
Фото автора

оленьи шкуры и камусы, чинить и украшать одежду и обувь. Иногда им приходилось выполнять тяжелую работу: рубить дрова, вырубать и доставлять лед с замерзшего озера или речки, а нередко и подменять братьев, которые караулили оленье стадо.

В 10–12-летнем возрасте девочки помогали матери по хозяйству, готовили еду и занимались шитьем одежды и обуви. К своим родителям долганские дети всегда относились с большим уважением; подростки ежедневно после утренней и вечерней молитвы подходили к ним для благословения [Попов 1946: 61].

Длительную полярную ночь дети проводили, греясь около костра или печки. Возня с огнем была их любимым зимним развлечением. Дети подбрасывали дрова в костер, собирали в кучку угли и расставляли около огня свои игрушки. Девочки готовили для своих кукол еду или помогали матери в приготовлении пищи.

Мальчики в 8–9 лет уже помогали кормить всю семью: они умели ставить петли на зайцев и куропадок, охотились вместе со старшими. Если мальчику сопутствовала удача, авторитет в семье у него возрастал, и с ним начинали советоваться взрослые.

Большую роль в формировании мировоззрения детей играли запреты, большинство из которых относилось к промыслам. Так, детям было запрещено смотреть вслед уходящему на охоту промышленнику. Нельзя было говорить об охотнике, находящемся на промысле диких оленей, чтобы звери прежде времени не убежали. Детям, так же как и взрослым, возбранялось скоблить ложкой пищу со стенок котла, так как считалось, что олени не любят металлического звука и убегают от тех, кто нарушил это правило. И наоборот, детям предлагали после еды ставить вертикально трубчатые кости дикого оленя и не играть с ними. Делалось это для того, чтобы олени при охоте останавливались и становились легкой мишенью для охотника. Девочкам запрещалось есть мясо гагары, смаковать первый шейный позвонок. Полагали, что у девочки, нарушившей этот запрет, рожденные впоследствии дети будут часто пугаться или у них будут рождаться ущербные дети.

Правила поведения часто усваивались детьми в результате воздействия запретов. Например, их приучали не смотреть в глаза посторонним людям, чтобы к ним не перешла какая-нибудь болезнь,

не объезжать встречных с левой стороны, так как по левой стороне, как полагали долганы, любят ходить духи болезни. Ребенку возбранялось кричать в тундре, разговаривать с посторонними, перебивать взрослых, особенно стариков.

Эти запреты-наставления в процессе воспитания детей предлагалось передавать не прямо, а в форме рассказа о другом человеке, попавшем в аналогичную ситуацию, или вовсе иносказательно. Взрослые преподносили детям это осторожно — так, чтобы они затронули ум ребенка, дошли до его сердца. В отношении с ребенком всегда была важна искренность [Антонова 2006: 101].

Приведем некоторые из множества наставлений детям и взрослым:

— *Вот такая большая вырасти, — говоришь (показывая, насколько она должна вырасти), когда ребенок тебе что-то подает или отдает (ребенок вырастет щедрым);*

— *что за хороший ребенок, — говоришь, если ребенок совершил хороший поступок;*

— *ой-ай! — с такими причитаниями не суетись, если чашку ребенок разбил. Чашку не залатаешь, а ребенка пугливым сделаешь;*

— *беременную женщину хищной рыбой не угощай — болезненного ребенка родит;*

— *без причины не дергай — злым ребенка сделаешь;*

— *с ребенком не груби — скандальным вырастет;*

— *мальчика часто целовать плохо — мальчик изнеженным вырастет;*

— *ребенка ни за что не обманывай — обидится, верить перестанет;*

— *зря не нахваливай — ленивым вырастет ребенок;*

— *ребенку пустых не давай обещаний — когда вырастет, лжецом станет, “легким на слово” прослышет;*

— *у беременной женщины за спиной не становись — ребенка вперед ногами родит;*

— *детскую люльку к двери изголовьем не клади — ребенок твой болезненным будет;*

- невестка свекра место не занимает;
- невестка свекру дорогу не должна пересекать (ни пешком, ни на олене верхом, ни на оленьих нартах);
- перед тем как заходить в дом, сбей с обуви снег. Как только зашел в дом, раздевшись, мокрую вещь повесь сушиться, сухую одежду вынеси на улицу, одежду береги;
- старших не перебивай, послушай сначала;
- стоя, не обувайся — нескладную жизнь иметь будешь;
- если в гости к тебе зашел ребенок, не отпускай, не покормив, его кут (душа. — В.Д.) обидится;
- новорожденному ребенку сразу имя не торопятся давать — чтобы горе и мука обошли стороной;
- именем старожилы не называй своего ребенка — имя друг у друга начнут отбирать;
- дети, поиграв камнями, приговаривают: “Я не играл, это дети абааһы играли”;
- грех, не играйся с тенью;
- друг мой, запомни: не из одних шестов строится чум, не на одной надежде основывается человеческая жизнь;
- первую добычу сына мама берет с радостным словом “Урууй!” и хвалит сына;
- первой добычей сына одаривают соседей [Там же: 102–119].

Кому больше повезло на рыбалке, тот обязательно делится с семьями, у которых улов был маленький. Есть семьи, в которых вообще никто не рыбачит. Потому что некоторые не могут на ветке плавать, так как у них голова на воде кружится, или это старики, которые уже не могут рыбачить. Поэтому, когда рыбу поймал, обязательно делишься уловом. Дети в каждую семью относят рыбу. Даже если сам немного поймал, все равно хоть несколько рыбешек, но раздам. То всегда

так было. Я помню, маленьким был, отец когда порыбачит, принесет рыбы, я нанизывал на каждый палец по рыбине и разносил по семьям. Когда учился в старших классах в Попигае, то неделями на озерах рыбачил. Мешка 2–3 рыбы принесешь, полчаса — и все раздарил, тазик себе только остается. Сестренка Наташа тоже разносила — бабушкам, дедушкам. Со всеми делились. По обычаю любой добычей делишься обязательно. Морально не можешь себе все оставить, что добыл [ПМА 2002. Попигайская тундра, Егор Уксусников].

Так, постепенно из этого сонма наставлений и человеческой мудрости незаметно формировался определенный свод правил поведения человека в тундре и своеобразный этикет, благодаря которому искушенных европейцев-путешественников всегда глубоко трогал характер многих северян:

Честность — исключительная и характерная для коренного населения. Можно спокойно оставлять любые ценности без присмотра — никто не возьмет. Можно отправить за 1000 км любую сумму денег по рукам без расписок — будет доставлена по назначению. Воровство — самый тяжелый позор для кочевника. Если вы только усомнитесь в его честности, этим нанесете большое оскорбление [СПбФ АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 12. Л. 18, 24].

Гостеприимство красной нитью протягивается во всей их жизни. Взаимная помощь друг другу и т.д. Доверие друг к другу и к приезжим. Например, мне верят, если я им не плачу заработанные деньги, обещая выдать позже, и т.д. [СПбФ АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 12. Л. 59].

Скупость, ненасытность, воровство, мошенничество и другие человеческие пороки осуждались обычаем. Об этом ребенок узна-

вал из разных рассказов и сказок, передававшихся в доступной яркой форме и осуждавших, высмеивавших тех, кто нарушил нормы поведения. Таким образом в семье дети проходили школу, необходимую для жизни в суровых условиях Заполярья, и усваивали хозяйственные навыки и опыт, выработанные веками и поколениями. Незаметно воспринимался и готовый взгляд на мир. Наблюдая промысловые обряды — благодарение духа охоты, шаманские действия, слушая объяснения стариков, дети вместе с реальными знаниями воспринимали сумму представлений о потустороннем мире, душе, добрых и злых духах [Гурвич 1977: 120].

Завтра по-старому крещение. Туземцы Анабарского района религиозны. Девочка щиплет лучинку и делает крестики, вставляя поперечную палочку в расцеп. Выходит на воздух и кладет эти амулеты во все нарты и к разным вещам, чтобы черт ночью не испортил вещей [СПбФ АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 18. Л. 104].

Детей старались не оставлять без присмотра: они постоянно находились под наблюдением кого-то из старших, старавшихся делать это незаметно, ненавязчиво. От детей ничего не скрывали, и по возможности их ничем не ограничивали. В многодетной семье каждый ребенок привыкал самостоятельно трудиться, быть дисциплинированным, ответственным, в нем воспитывали чувство долга. Дети при этом приобретали необходимые навыки, исключалась их неразумная опека, они росли неизбалованными.

Традиционно семьи долган были многодетными. В. Ф. Афанасьев писал о якутах, хотя его слова можно распространить на все северные народы Сибири, включая долган: «Эта народность проявляет большую любовь и привязанность к детям. Иметь много детей — заветная мечта каждой семьи. Они говорят, что “дети — это богатство, только воспитать их трудно. Для нас в нашей ледяной земле иметь много детей выгоднее, чем иметь много денег и много оленей <...> Деньги разойдутся, олени подохнут, а хорошие дети — промысловики найдут, добудут» [Афанасьев 1979: 13]. Неслучайно старики говорили: «Послушай, что говорит человек,

имеющий детей», подчеркивая свое уважение к многодетному человеку [Там же].

Если дети лишались родителей, их брали на воспитание в свои семьи родственники и даже чужие люди. Ребенок в новой семье чувствовал себя спокойно и пользовался всеми правами, как и родные дети. Родители учили приемных детей, как и своих, тому, что знали и умели делать сами.

Свадьба являлась поворотным моментом в жизни долганки, а после рождения первого ребенка она становилась самостоятельной хозяйкой в своем жилище.

Иногда отцы договаривались о женитьбе своих детей, когда те были еще маленькими. Они давали друг другу обещание, что дети их в будущем обязательно должны стать мужем и женой. После этой договоренности отец жениха отдавал отцу невесты часть калыма, часто состоящего из хорошего оленя и песцовой шубы. При этом дети лет до десяти жили отдельно, каждый у своих родителей. Если ко времени женитьбы девочка умирала, ее отец должен был вернуть взятую часть калыма.

Долганские юноши и девушки обычно встречались и знакомились в дни праздников или на семейных торжествах, например на свадьбе, именинах. Если молодому человеку понравилась девушка, он через близкого друга просил у нее в подарок какую-нибудь вещь, например платочек, кольцо и т.п. Получив этот предмет, он посылал ей ответный подарок (например, рукоятку оленьего посоха, трубку и пр.). Это означало, что связь между молодыми людьми установилась, после чего происходил обмен подарками уже без посредников — это служило знаком того, что молодому человеку разрешалось посещать ее ночью.

По обычаю интимные отношения между молодыми людьми не обязывали их к браку, а рожденные вне брака дети не были препятствием к выходу девушки замуж. Обычно они оставались у своего деда со стороны матери. А. А. Попов писал, что в экспедиции он встречал долганских девушек, у которых было по двое-трое детей, и они не скрывали имен своих любовников. А «одна почтенная, еще не старая долганка в присутствии мужа и многочисленных гостей даже с некоторой гордостью говорила, что она в деви-

цах прижила трех сыновей, которые теперь ей помогают» [Попов 1946: 62].

В тяжелых условиях жизни в арктической тундре и при чрезвычайной малонаселенности, когда будущим брачующимся довольно трудно встретиться, часто заключались неравные браки. Так, красивую работающую девушку 15–18 лет могли посватать за мальчика 7–8 лет. В этом случае она могла жить в чуме жениха в качестве воспитанницы, пока жених не подрастал. Так могли поступать родители жениха, чтобы не упустить выгодную невестку. При неравных (возрастных) браках большое значение имело экономическое и социальное положение жениха или невесты.

Когда отец намеревался женить сына, он собирал предварительную информацию о семье, в которой росла потенциальная невеста, и после этого вместе с сыном отправлялся к ним. Оставшись ночевать в этой семье, отец старался выяснить материальное положение семьи невесты. Если оно его устраивало и сын отвечал утвердительно на вопрос, нравится ли ему девушка, отец готовился к сватовству. Отец с сыном уезжали домой подыскивать сватов. Как правило, сватом выбирали человека уважаемого, общительно-го, обладающего чувством юмора.

Вместе со сватом они втроем отправлялись в семью невесты, и сват вел переговоры с ее отцом. Если отец девушки по какой-либо причине не хотел отдавать свою дочь замуж в эту семью, он молчал.

Личного согласия невесты не требовалось. Если семья соглашалась на замужество, сват выходил из жилища и всем сообщал эту новость. Затем отцу невесты преподносился подарок от отца жениха. После этого семьи начинали вести переговоры о выкупе за невесту (калыме) и приданом, а также назначали день свадьбы. В переговорах роль свата была ответственной: он должен был проявлять активность в решении вопросов, связанных с размером калыма, приданого и собственно организацией свадьбы.

Калым состоял из двух частей. Первый, начальный калым включал главным образом личные вещи и несколько оленей. Вторая часть называлась «черным калымом», он был действительно большим и значимым, в него входили исключительно олени. Величину калыма устанавливали во время переговоров, и она зависела

от разных условий: как от социально-экономического положения семьи невесты, так и от ее привлекательности, хозяйственности и т. д. А. А. Попов в начале 1930-х годов, работая среди норильских долган, в качестве примера записал размеры калыма, которые были отданы за невесту.

Калым большого размера. В первый (начальный) калым на выбор входили четыре оленя-быка, или четыре нетели, или один верховой олень, дрессированный для использования на охоте в качестве манщика. Матери невесты предлагалось два оленя: передовой и пристяжной на одну нарту. В состав этого калыма также входили три волчьи или росомашьи шкуры, четыре лисьи шкурки, две шкурки голубого песца и одна соболья, две летние ровдужные покрывки для чума, четыре песцовые шубы и, кроме того, одна песцовая шуба, песцовое одеяло, хорошее платье для бабки невесты, а также медный котел и ружье. В состав «черного калыма» могло войти целое стадо (до ста оленей).

Калым среднего размера. В состав «переднего калыма» входили три ездовые нарты (отцу, матери и старшему брату невесты) с упряжью и оленями (всего девять оленей); кроме того, четыре волчьи или песцовые женские шубы, ровдужная покрывка для чума, две лисьи, одна росомашья, две волчьи шкуры и от 60 до 100 руб. деньгами. «Черный калым» состоял из 60 домашних оленей.

В состав «переднего калыма» малого размера входили 10 или 12 отборных оленей, две волчьи, две росомашьи и две лисьи шкуры. Более состоятельные родители со стороны жениха добавляли к этому еще шкурки лисицы, голубого песца и пять или шесть шкурок обыкновенного (белого) песца. В состав «черного калыма» могло войти стадо от 40 оленей.

«Передний калым» отдавали на следующий день (после того как он был готов), поскольку его задержка могла послужить препятствием к браку. Если для калыма было собрано меньше оленей, чем договаривались, то и приданое невесты могли соответственно уменьшить. Из калыма в первую очередь уплачивали восемь оленей, ровдужную покрывку, шубы, шкурки зверей и деньги. После уплаты «переднего калыма» семьи договаривались о времени

пригона оленей «черного калыма». Именно в этот день проводили первый день свадьбы. Все веревки, на которых приводили в калым оленей, а также одного оленя из этой группы возвращали назад отцу жениха, «чтобы веревки не вернулись пустыми» [Попов 1946: 67].

Когда наступал день свадьбы, чумы отцов невесты и жениха ставили поблизости. В зависимости от материального достатка возле каждого чума убивали до пяти оленей, чтобы угостить пришедших на свадьбу гостей. Жених убивал еще одного оленя, мясо которого он отдавал отцу невесты. После этого вместе со своими приятелями жених ловил оленей для «черного калыма». Одновременно молодежь около чума невесты ловила оленей, которых должны были отдать в приданое. Оленей, пойманных для «черного калыма», привязывали на одну веревку к спинке нарты свата, который ехал впереди жениха.

Сват и жених, подъезжая к чуму невесты, трижды по ходу солнца объезжали вокруг чума. Приведенных оленей запускали в специально огражденное место, устроенное из натянутых к деревьям арканов и поставленных вертикально нарт. Жених подводил на веревке важенку, передавал ее будущему тестю и вместе с гостями оставался ждать на улице.

Во время ожидания угощения сват часто перебежал от чума невесты к гостям и с шутками, в смешливой манере извещал их о том, что делается внутри чума. В это время отец невесты принимал оленей «черного калыма».

Когда, наконец, в чуме угощение для гостей и постель для новобрачных были готовы и олени «черного калыма» приняты, сват вводил в чум жениха, и вместе с невестой они молились перед иконами. После этого жених и невеста подходили для благословения к родителям невесты и ко всем родственникам.

После благословения жених и невеста садились за пологом, после чего в чум по очереди заходили гости, в первую очередь самые близкие родственники и наиболее почетные гости. Женщина со стороны родни невесты поила гостей чаем и распоряжалась угощением. После чая все гости выходили на улицу, и в это же время происходил обряд раздачи калыма.

Если отец невесты был состоятельным оленеводом, он раздавал оленей из калыма близким родственникам, которые через год одаривали новобрачных вещами, по стоимости превышавшими стоимость полученных оленей. Получившие оленей сразу же вырезали на их ушах отметки и привязывали оленей к своим нартам, после чего гости возвращались в чум.

Жених и невеста выходили из-за полога и садились вместе со всеми. После первой группы гостей угощали вторую, состоявшую из обычных, незнатных людей. Угощение гостей в несколько приемов было обусловлено небольшими размерами чума.

Жених проводил брачную ночь в чуме невесты и на второй или третий день увозил ее к своим родителям. Впереди каравана ехал сват, после него жених и за ними — невеста, которая держала сзади на привязи оленей, нагруженных приданым. Богатое приданое состояло из целого стада — 60–70 оленей различного возраста, не бывших еще в работе. Кроме оленей, в приданое входило от пяти до семи нарт, в число которых включался также и нартенный чум (балок), запряженный четырьмя оленями.

В нартах лежали волчьи и песцовые шкуры, покрышки для чума, женские и грузовые оленьи седла, богатая зимняя упряжь, женский посох для верховой езды, самовар, чайник и другая посуда, то есть все то, что должна была иметь взрослая обеспеченная самостоятельная женщина, жена охотника-олeneвода. В приданое давались также две расшитые богатым орнаментом шубы, женская меховая обувь, украшенная бисером, и наколенники из волчьих лап.

Приехавшие к чуму жениха трижды по ходу солнца объезжали вокруг жилища. Зайдя внутрь, невеста вместе с женихом молились на иконы, кланялись отцу и матери, подходили для благословения и целовали руку. Родители жениха благословляли новобрачных, желая им счастливой жизни. Невеста при этом одаривала их деньгами или выделанными шкурами зверей. В чуме жениха происходило угощение, так же как и в чуме невесты. После первого угощения отец жениха выходил осмотреть полученных в приданое оленей и предлагал из них выбрать для себя животных людям, оказавшим материальную помощь при сборе калыма. После того как угощение заканчивалось, совершался обычай просмотра прида-

ного, когда отец жениха выходил на улицу и осматривал все вещи. Так заканчивались обряды свадьбы у долган.

Родители невесты гостили у жениха в течение трех дней. Отец жениха дарил родителям невесты оленя перед их отъездом. Этот олень должен был олицетворять их дочь, когда родители смотрели на это животное, поэтому его очень берегли. На третий день утром, за чаем отец молодой наставлял ее: «Ты с этого времени должна больше слушаться своего мужа. Свекровка твоя отныне все равно, что твоя родная мать. Свекор — что твой родной отец. Почитай их и слушайся, не ругайся с ними» [Там же: 71].

Только на третий день молодая жена начинала работать в чуме: она варила мясо, привезенное с собой. С этого времени она должна была слушаться свекрови и свекра больше, чем своих родителей. Между невесткой и родителями мужа устанавливались определенные запреты. Так, невестка не могла пить чай из чашки свекра, свекор — из чашки невестки, свекор не мог садиться на постель невестки и др.

Семейная жизнь с первых дней налажала на молодую женщину множество новых домашних забот и обязанностей, хотя круг ее работ, как и в семье отца, ограничивался в основном домашним очагом. День замужней женщины начинался ранним утром.

Обстановка в уресе Атахчая. Утром хозяйка встала в 7 часов утра, затопила печь, поставила чайники. Через полчаса поднялся хозяин. Один за другим встали дети. Пока вскипел чайник, все успели умыться над медным тазом. Умываются руки и лицо, набрав из ковшика в рот воды, поливают на руки и таким образом умываются. В уресе Атахчая три семьи: его дети, сын с женой и невестка с ребенком. После умывания каждая семья садится за свои столики. Чай разливают невестка не всегда (вечером разливает одна из дочерей). К чаю подается холодное мясо — остатки от вчерашнего ужина. Чай кирпичный, заварен густо. Кроме мяса, на столе ничего нет (даже соли). Чай сопровождается курением и длится 1/2 часа. После утреннего чая жен-

щины принялись за работу. Кто шьет шкуры, кто — одежду и камусы. Около 12 часов на столиках вновь появляется чай. Пьют безо всего. Количество чашек, выпитых одним человеком, доходит до 8. Пьется медленно. На чаепитие ушло минут 40–50. В 4 часа снова вскипает чайник и также выпивается без всяких приправ. В 7 1/2 часов появляется ужин. Полный котел мяса пуда 1 1/2. У каждого на тарелке лежит килограмма по два оленьего мяса. В небольшой мисочке подается бульон. Мясо поедается почти все. Бульона пьют очень немного — 3–4 ложки. Мясо без соли и хлеба. После ужина — снова неизменный чай. Пьют, однако, значительно меньше, нежели утром. После чая сразу же ложатся спать. Хозяин заготавливает лучину на поджиг дров наутро. Молодая чета задергивает занавеску, подвешенную к жердям урасы. Располагаются по периферии урасы непосредственно на земле, где лежат олени шкуры-постели. Стелятся две шкуры — мездра к мездре. Подушки у каждого. Одеяло у семейных общее. Вместе с родителями спят и маленькие дети до 5–6 лет. Одеядла главным образом заячьи, редко из песцового меха. Еще реже встречаются из волчьего меха и песцовых хвостов. Раздеваются до нижнего белья, дети — догола [СПбФ АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 12. Л. 168] (10.11.1934 г., р. Арангастах, приток Попигая).

Муж и жена обращались друг к другу, не называя по имени, а просто говоря: «Э, дуо!» («Эй, друг!»). Муж, упоминая в разговоре с кем-либо о жене, говорил: «Моя женщина, моя старуха», а жена о муже — не иначе как «мой человек». Упоминание в разговоре мужа и жены по именам считалось признаком дурного тона и взаимным неуважением.

Главными обязанностями мужчины считались уход за оленями и охотничий промысел. Если семья испытывала недостаток в еде, вина за это возлагалась на мужчину. Женщина, в свою очередь, выполняла все домашние работы. У хорошей хозяйки чум должен

быть теплым и чистым, покрывки для чума не дырявые, а если порванные, то тщательно залатанные, поскольку по состоянию чума судили о хозяйке.

Олени, которых жена получала в подарок от родственников или после посещения гостей, а также тех, что запрягали в нарты с ее имуществом, считались ее собственностью. Собственностью жены считалось также содержимое приданого, помещенного на нарты, включая посуду, шкурки зверей и деньги. Этим имуществом женщины имели право распоряжаться по своему усмотрению [Попов 1946: 71].

Родители и родственники всегда по возможности помогали молодой семье, обычно кочевавшей неподалеку от хозяйства отца, который всегда делился своим опытом и помощью.

Отношение к женщине в семье было уважительным, и муж всегда советовался с женой при решении хозяйственных и других дел.

В состоятельных семьях девочке уже при рождении выделяли в собственность оленей. В семье девушка подчинялась матери, а в замужестве очень зависела от свекрови. Но когда молодая женщина рожала первого ребенка, ее положение в семье кардинально менялось. Теперь свекровь уже не могла ею распоряжаться, а только помогала невестке по хозяйству и советами.

Проживая в чуме мужа и его родителей, женщина должна была придерживаться определенных правил. Так, в присутствии взрослых мужчин она не имела права находиться с непокрытой головой, не должна была садиться на постель мужа, есть с ним из одной посуды, пользоваться его курительной трубкой. В присутствии гостей-мужчин женщина обычно находилась на женской половине чума.

Домашний труд занимал почти все время женщины. В свободные от перекочевки дни она собирала дикий лук, щавель, ягоды, лекарственные растения, а также листья, заменяющие чай (к примеру, иван-чай). Во время стоянок около озер и рек она могла заниматься рыболовством и заготовкой юколы. Во время покоев на воде дикого оленя женщина на берегу разделывала туши и заготавливала на зиму сушеное мясо, а также собирала в одно место кости оленя, чтобы использовать в дальнейшем для получения жира.

В летнее светлое время женщина выделявала шкуры, шила и чинила одежду, обувь, покрывки для чума или балка. С рождением ребенка забот у женщины, естественно, прибавлялось, поскольку уход за малолетними детьми также ложился на ее плечи.

Как уже говорилось, трудовые традиции у долган распределялись таким образом, что работы, связанные с очагом и домашним хозяйством, уборкой и установкой чума, приготовлением пищи, шитьем одежды и обработкой кожи, ложились на женщин. Женщины у норильских долган, кроме того, помогали своим мужьям и ловили оленей перед летними перекочевками, навьючивали и развьючивали животных.

Жена, как того требовал обычай, поднималась раньше мужа, разжигала огонь, кипятила чай и готовила пищу для семьи. После завтрака муж в день перекочевки уходил за ездовыми оленями, а жена в это время складывала вещи, разбирала чум, наполняла выючные сумы летом или тщательно упаковывала и привязывала к полкам и стойкам посуду и личные вещи, если семья кочевала с балком. Приведя оленей, глава семьи, если маршрут перекочевки был несложным, уходил на охоту, указав жене, куда следует кочевать и где остановиться. На месте новой стоянки она должна была установить чум, разложить вещи, развести огонь и приготовить еду.

В условиях кочевого быта труд женщины был нелегким. Уход за детьми, ежедневная сушка и починка одежды и обуви для членов семьи, приготовление пищи, обработка шкур и пошив одежды, покрывок чума отнимали все время (даже в период длинного дня во время полярного лета). Свободные от домашних забот часы, связанные с перекочевками (в летнее время долганы из-за быстрой смены пастбищ для оленей кочевали через каждые 3–4 дня), заполнялись другими занятиями. Женщины собирали ягоды, дикий лук, щавель и лекарственные растения. Во время переправ через реку и поколок диких оленей женщины, пугая их голосом и размахивая руками, не пускали животных на берег, разделявали туши животных и вялили мясо. Осенью они принимали участие в загонной охоте на диких гусей, потрошили и заготавливали про запас тушки этой птицы. На стоянках возле озер женщины занимались рыбо-

ловством, помогая неводить, разделявали рыбу и заготавливали юколу. Таким образом, летом женщины хотя и ненадолго, но разнообразили монотонную домашнюю работу.

То, что называлось раньше «гостевать», было (и остается до сих пор) особенно распространенным явлением среди женщин. Чаще всего этот обычай практиковался весной, когда наступал сезон белых ночей и на оленьих упряжках можно было посетить отдаленно живущих родственников или хороших знакомых. На этих встречах женщины часто производили обмены вещами, а мерилом ценности обмениваемых при таких «гостеваниях» предметов выступал олень [Попов 1934: 129].

Встречи с родственниками и соседями, взаимные посещения с чаепитием, хороводы, устраивавшиеся весной и летом на крупных стойбищах, в известной мере облегчали, разнообразили жизнь и были предметом для будущих зимних разговоров в темное время года. Именно в эту пору чаще всего завязывались знакомства будущих супругов. Осенью и зимой обязанностей у женщин было меньше, но труд становился тяжелее.

Зимой, во время полярной ночи, когда оленеводы редко совершали свои перекочевки, домашние работы становились все тяжелее из-за погодных условий. Шить становилось трудно из-за наступившей темноты, глаза сильно уставали от света жирника и керосиновой лампы. Раздражению и частым заболеваниям глаз способствовали постоянное пребывание женщин возле очага, перемена света костра и окружающей чум темноты, а также едкий дым. Перепады температур в чуме, когда перегревание около огня костра сменялось последующим охлаждением, неблагоприятно отражались на ее здоровье и внешнем виде.

В сильные морозы и длительные метели даже такие, казалось бы, простые домашние обязанности, как доставка льда от ближайшего замерзшего водоема, заготовка топлива, разделка туши добытого оленя, становились физически трудным занятием.

С появлением в семье ребенка к ежедневным домашним заботам прибавлялись новые обязанности. Поскольку муж не занимался уходом за малолетними детьми, то с рождением каждого нового ребенка нагрузка на женщину сильно увеличивалась; несомненную

ежедневную помощь ей могли оказать только старшие дети и бабушка.

Как уже упоминалось несколько раз, в традиционном хозяйстве долган существовало строгое разделение занятий на мужские и женские. Без острой необходимости мужчины не выполняли женских работ. Разделение труда в хозяйствах охотников-оленьеводов и ограничение деятельности женщин кругом домашних обязанностей диктовались не только практической необходимостью, но и традиционным миропониманием и элементами архаики в обществе. Так, согласно представлениям долган, женщина являлась существом нечистым. Она отпугивала своим присутствием промысловых зверей, птиц и рыб и, как следствие, приносила неудачу во время промысла. Поэтому для женщин существовало множество запретов в повседневной жизни.

Женщинам нельзя было переступать через промысловые орудия: ружья, самострелы, черканы, лыжи, арканы, петли для оленьих маншиков, рыболовные сети. Нарушение этого запрета, как считалось, обязательно приведет к неудаче в промысле: охотник будет промахиваться, стреляя в диких оленей, звери не будут попадаться в ловушки, рыба не попадет в сеть и т.д.

Явную осторожность женщины должны были соблюдать по отношению не только к промысловым орудиям, но и к самому охотнику. Как и во многих других охотничье-оленьеводческих культурах Сибири, женщине запрещалось переступать через спящего мужа и вообще мужчину, класть свою одежду поверх его одежды, проходить между мужем и очагом. Ей не разрешалось подниматься на крышу жилища, так как в противном случае все предметы, находившиеся в нем, становились нечистыми.

Женщине запрещалось смотреть в глаза убитым диким оленям, переступать через их свежие туши или кости, наступать на только что снятые и еще не обработанные шкуры, особенно на кожу, снятую с головы дикого оленя.

В период беременности и сразу после родов запреты усиливались. Женщинам запрещалось также разговаривать об охоте и промысловых животных во время отсутствия мужа, так как это могло навредить промыслу.

Слышал факт. Люди, побывавшие в уресе, где родила женщина (в период одного месяца со дня рождения), не могут ехать посередине пастей какого-либо промышленника. Один из агентов побывал в такой уресе, и ему промышленник запрещает ехать в Попигай. Можно только через месяц или окружным путем. Промышленники настаивают на переезде агента окружным путем и в случае непослушания угрожают судиться и взыскать с него за промысел текущего года (1926–1927 гг., р. Анабар) [СПбФ АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 12. Л. 228].

Когда охотнику долгое время не удавалось добыть на промысле зверя, одним из объяснений этого считалось нарушение какого-либо запрета женщиной из его семьи. Все имеющиеся запреты воспринимались как мужчинами, так женщинами обыденно, как нечто само собой разумеющееся, и это делало и без того нелегкую жизнь женщин в семье еще сложнее.

Останавливался в уресе, где только что разрешилась от бремени женщина. Нельзя. Человек становится нечистым на месяц. Наблюдал случай, когда агент остановился в одной из такой урас. Он спешно пробирался в Попигай. Оказалось, что вследствие его нечистоты ему нельзя было проезжать обычной дорогой, где имелись пасты мужа этой женщины. «Иначе песец не будет ловиться». Ему пришлось огибать стороной <...> пастник хозяина урасы. И вместо трех дней от Синей-Талаха до Попигая он проехал 22 дня [СПбФ АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 12. Л. 207].

Перекочевки в летнее время происходили довольно медленно: за день аргиш проходил самое большее 15–20 км, делая при этом пару раз остановки для отдыха оленей. Летние кочевания проходили в определенном порядке, где женщины занимали свое место.

Впереди каравана на специальных нартах перевозили лодки-долбленки. За ними двигались хозяйки чумов, в первую очередь беременные женщины: им, как нечистым, запрещалось идти дорогой, по которой везли долганские святыни — шайтанов. Каждая домохозяйка вела за собой отряд навьюченных оленей. Если в семье была взрослая дочь, то мать поручала ей вести этих оленей, а сама ехала одна или вела за собой двух-трех оленей, на которых в люльках находились маленькие дети. В зависимости от достатка хозяйства и численности семей аргиш, состоящий из привязанных один за другим навьюченных оленей, достигал двадцати животных [Попов 1952: 150].

На следующих за матерью или старшей дочерью оленях сидели дети, за которыми шли грузовые олени с кухонной утварью, продуктами и постелями. После них двигались олени с навьюченными круглыми деревянными коробками с шайтанами. Их обычно перевозили на белых оленях, с наголовниками, расшитыми бисером и колокольчиками.

Прибыв на стойбище, женщины снимали вьюки и отпускали оленей, которых вместе со свободными животными мужчины отгоняли на выпас. Развьючив оленей, женщины устанавливали чум, куда заносили посуду, постельные принадлежности и необходимые продукты питания. Остальной домашний скарб хозяйка оставляла в сумах, которые укладывала вокруг чума.

Во время коротких двух-, трехдневных стоянок между летними перекочевками, когда мужчины занимались охотой или рыболовным промыслом, женщины шили и чинили одежду и обувь, заготавливали впрок мясо добытых диких оленей, гусей и юколу из рыбы.

С приближением осени долганы прикочевывали к лесотундре, где были оставлены весной зимние вещи и балки. Пока мужчины ремонтировали старые нарты и делали новые, женщины проветривали крыши балков, зашивали их, если те были порваны, готовили зимнюю одежду.

С наступлением короткой осени долганы с вереницами оленей, так же как и в летнее время, следовали в определенно установленном порядке. Впереди ехали женщины на нартах: домохозяйки — с двумя-тремя грузовыми нартами, остальное везли дочери.

Зимой, при низких температурах и сильных ветрах, когда требовалась быстрая установка жилища и проводились другие работы, связанные с перекочевками, разделение труда так строго, как летом, не соблюдалось. Мужчины помогали женщинам запрягать и распрягать оленей, заготавливать дрова и привозить лед с ближайшего замерзшего водоема для питьевой воды, устанавливали шестовой чум или обкладывали снегом полозья и нижние части меховых покрышек балка или чума.

Очаг в жилище был сакральным местом для северных кочевников. От духа-хозяина огня зависело благополучие всей семьи, поэтому неудивительным было почтительное отношение долган к огню. Хозяйки перед каждой едой «кормили» духа огня, бросая в огонь кусочки жира, мяса и другой пищи.

Как сообщал А. А. Попов, в старину в стойбище добывать огонь должна была только одна из почтенных старух. От ее очага другие женщины брали новый огонь и разносили по своим чумам. Во время пребывания исследователя на Таймыре молодожены, находясь в первый день в своем чуме, должны были добывать огонь сами, не заимствуя его у других [Там же: 164].

Как в зимнем, так и в летнем чуме деление на мужскую и женскую половины было отчетливо выражено. Женской считалась передняя часть, направо и налево от входа; противоположная от входа часть чума была мужской. Если в чуме проживали две семьи, правую часть от входа занимала одна семья, левую — другая. Женская часть чума считалась «нечистой», в ней хранилась домашняя утварь, продукты, личные вещи долганок. Сюда же укладывали тальник и другой кустарник, используемые в качестве топлива летом, и нарубленные дрова — зимой.

Подготовка промысловой одежды охотника во время перекочевок

(по материалам экспедиции 2002 г. в Попигайскую тундру)

В конце осени — начале зимы (сентябрь–октябрь), когда оленеводы меняли летние балки и одежду на зимние, у женщин оставалось достаточно много незаконченной работы. Когда световой день

становился коротким и наступала полярная ночь, она уже заканчивала основную работу по шитью, а мужа и остальных членов семьи подготавливала к длительной зиме.

Для шитья мужской меховой парки (*копоо*) женщина использовала 2–3 оленьи шкуры одного цвета, из которых предварительно выкраивала переднюю часть парки, спинку и рукава. Для шитья предпочитали использовать шкуры двухлетнего теленка, так как они были легкими; из таких же шкур шили и *хокуй* (*сокуй*) детям.

Зимой женщина часто меняла подошвы (*уллунг*) на калошах мужа, так как они изнашивались достаточно быстро, за один-два месяца. В холодный сезон к высокой меховой обуви (*торбаса*) также дополнительно подшивали подошвы.

В холодную погоду на унты надевали калоши (*калооса*), сшитые из оленьей шкуры или из шкур, снятых с головы оленя (*баттак*). Часто подошвы шили из необработанных сырых шкур. Для того чтобы кожа на оленьей шкуре не пересыхала, ее натирали хозяйственным мылом. Калоши выделялись практически при ходьбе, когда они терлись о ступни оленевода и становились мягкими.

При изготовлении других калош лобные шкуры предварительно, перед шитьем, выделявали скребками. При этом глазные отверстия на шкурах подравнивали и зашивали, а на прорези, оставшиеся на месте рогов, ставили заплатки. Сшитые из лобных шкур оленя калоши (мехом наружу) охотники-оленеводы носили осенью и весной (в октябре–ноябре, марте–апреле, а также в мае, когда стояли холодные, морозные дни).

Ноской (и поэтому ценимой, практичной) была обувь с подошвами, сшитыми из щеток — кусочков кожи с жесткими оленьими волосами (*ата*), срезанных между копытами оленя. Для пары таких калош требовалось 16 или 18 щеток, срезанных с копыт оленей. Эта обувь была очень прочной, ее можно было носить в течение целого года. В холодное время года подошвы из щеток дополнительно подшивали на *торбаса*.

Одна выделанная толстая шкура обеспечивала женщину материалом для пошива подошв на всю зиму. Такую же оленью шкуру она использовала для изготовления подушек для верховых седел.

Если остов седла расшатался, нужно было распороть шкуру, починить деревянную основу и заменить покрытие. При этом брали шкуру потолще, чтобы она не мокла от дождя и сырости. Шерсть на шкуре для покрытия седла не срезали: добавляли внутрь олений мех, снятый с других шкур.

Штаны (*ыстаан*) шили из шкуры оленя, забитого в августе–сентябре, когда мех на ней был еще не очень густой. Шкуру при сушке старались растянуть как можно шире. При шитье шейную (верхнюю) часть шкуры оленя, как более носкую и прочную, пускали на заднюю часть штанов, а на передок шла нижняя часть шкуры. Для шитья штанов долганке хватало одной шкуры домашнего оленя среднего размера. Иногда поношенные, потертые штаны надевали мехом внутрь.

У охотника обычно имелось несколько шапок (*ынтыкаан* или *бэрзэһэ*). В морозные дни он надевал шапку, сшитую из оленьей шкуры. Чаще всего для шитья шапки женщина использовала шкуру пыжика (весеннего теленка). Шапки шили также из шкуры взрослого оленя, камусов и песцовых лапок. В последнем случае для пошива требовалось более двадцати лапок полярной лисицы, обычно надевали такую шапку, собираясь в длительную поездку. Шапку, сшитую из пыжика, носили весной и зимой. На зимней шапке верх обычно был из пыжика, а подкладкой служил песцовый или заячий мех. Также из тонкой летней оленьей шкуры шили шапку, которую носили весной (на подкладку использовали шкурку из брюшка пыжика). Женские шапки выглядели более нарядными, их шили из соболиных или песцовых лапок.

Рукавицы (*уруука*) пришивались к рукавам парки. Для шитья рукавиц женщина использовала прочный камус теленка домашнего оленя. Из двух камусов она могла сшить пару рукавиц. Верхняя часть камуса шла на наружную сторону рукавицы, а нижняя, как более толстая и прочная, — на внутреннюю, ладонную часть: эта сторона рукавиц быстро снашивалась при каждодневном использовании хорея, маута, повода. Женщине на год хватало одной пары рукавиц, в то время как для мужчины нужно было сшить несколько пар. Иногда при интенсивной работе охотник-оленеvod стирал рукавицы за одну неделю.

Во время промысла массово мигрирующего на север в конце марта — начале апреля дикого оленя существенное время у долганки занимало снятие камусов с ног диких животных. Женщина снимала камусы (*тыс*), прикладывала мездрой один к другому и выносила на улицу, чтобы они замерзли и высохли. Вечером охотник или его жена дробили кости голени оленя, доставая для детей их любимую еду, — костный мозг. Раньше старушки обычно собирали такие кости, вываривали и складывали в сшитый из камусов мешок (*матага*). Затем возили их с собой до наступления весны. На месте весновки (стоянка в мае) женщина специальным округлым плоским камнем (*дирэ*), обычно найденным в реке, дробила кости. Их вываривали в большой кастрюле, чтобы после варки костный мозг оставался на стенках посуды. Свежие кости и уже один раз вываренные кипятили вместе. Полученный костный жир снимали в чашку и употребляли в качестве масла.

При выделке шкур женщина обычно имела под рукой 3–4 скребка разных размеров. Для выделки оленьей шкуры использовался самый большой скребок, для камусов — скребок среднего размера. Для выделки шкурки песка женщина пользовалась маленьким скребком. Также маленьким скребком она обрабатывала края шкуры. После скобления олений камус со стороны мездры намазывали вареной перетертой печенью и оставляли на ночь (рис. 4). На следующий день женщина удаляла печень и руками мяла камусы. В процессе, когда камус становился мягче, он подсушивался.

Для пошива обуви использовали лучший — осенний — камус. Часто у женщины не хватало времени на выделку шкур, снятых с ног животного, поэтому она, сложив попарно и свернув трубочкой, оставляла их в хозяйственном балке на морозе.

Позднее, когда у женщины появлялось свободное время, она занималась их выделкой. Сначала с помощью скребка снимала жир и пленки, а затем после просушки, со стороны мездры, шкуру покрывали толченой или пропущенной через мясорубку вареной печенью оленя. Приготовленную таким способом печень разбавляли бульоном так, чтобы получалась кашцеобразная масса. Нанеся ее на мездру камусов, женщина складывала их (шерстью наружу), затем, свернув шкуры (снизу вверх) в рулон, заворачивала в тряпку

Рис. 4. Один из этапов обработки камуса — нанесение мелкорубленной печени оленя на мездру. Фото автора

или мешок и помещала в прохладное место в балке. На следующий день, развернув камусы, скребком (*кыһыак*) она снимала печень и снова выносила камусы на открытый воздух.

Некоторые женщины сразу после снятия сушили камусы в балке или дома у печки, растягивая шкурки длинными деревянными спицами (рис. 5). Или, развернув шкурки, подвешивали их в балке, чтобы печень подсохла, а затем выносили их на воздух. Печень обычно удалялась перед использованием камусов для шитья.

Чтобы сделать замшу или ровдугу (*һарыы*), женщина срезала ножом шерсть на шкуре и соскабливала скребком, вывешивая ее на зиму сохнуть, выветриваться и выбеливаться. Весной, обычно в апреле, она выделывала шкуру как обычно. После обработки две или три шкуры сшивали мешком, затем его растягивали между шестью чума с помощью веревок так, чтобы устье мешка находилось над очагом. В слабый огонь клали красный мох (*кёппёк*), где

Рис. 5. Сушка камусов в балке. Фото автора

он тлеет, отчего кожа, коптясь, приобретает красный цвет и становится непромокаемой.

В мае–июне охотники–оленоводы находились на одном месте, где проводили отел, а женщины готовились к лету, просушивая одежду и вещи. Они занимались подготовкой брезентового покрытия для летнего каркаса балка или чума и одновременно ремонтировали покрышки зимнего балка, которые часто рвались при перекочевках. В тех местах, где рвался брезент, шкуры обычно подгнивали, поэтому их заменяли новыми. Портились также шкуры, расположенные под окнами. Для просушки сшитые покрышки балка снимали и вешали на перекладины. С балка также снимали рейки, которыми крепили брезент к полозьям, и просушивали их. Если работа с покрышками не занимала много времени, то женщина выделывала шкуры, чтобы, вернувшись осенью, иметь готовый материал для пошива новой одежды. Для каждой постели на месте проведения весеннего периода она шила полог из марли или ситца, чтобы пережить комариный сезон.

Закончив просушку меховой одежды и другого имущества, оленоводы готовились к летнему аргишу. На лето женщина брала

с собой 3–4 оленьи шкуры, 20–30 невыделанных камусов (если она не успела обработать их весной), чтобы обработать шкуры к возвращению на зимнюю стоянку.

Приехав на стойбище, женщина готовила чай, укладывала вещи на полки летнего балка, кормила детей и шла с семьей собирать ва-лежник. Если долганка планировала находиться на летнем стойбище два-три дня, по приезду она с детьми собирала дрова, на следующий день пекла хлеб и продолжала заниматься выделкой шкур.

Летом, если семья кочевала по рыбным местам, женщина занималась заготовкой юколы. Она разделывала рыбу, освобождала ее от костей, вешала и подвешивала тушки на солнце, а приехав на следующее стойбище, жарила ее. Также летом женщины шили меховое покрытие для балка. Когда возникала необходимость, несколько женщин собирались вместе (обычно родственницы или знакомые), чтобы сообща шить новые покрывки для зимнего балка. На изготовление мехового покрытия для балка уходило от двух до четырех недель.

Еще с весны для покрывок заготавливали оленьи шкуры, которые сушили на ветру. Для шитья покрытия балка средних размеров требовалось около 65–70 оленьих шкур. С этой целью некоторые охотники-оленоводы собирали шкуры в течение нескольких лет. После того как шкуры высохали, их распрямляли и растягивали. При подготовке к шитью края шкуры ровно обрезали, а затем сшивали. Два ряда сшитых шкур (направление оленьего волоса было сверху вниз, то есть головная часть шкуры оказывалась вверху) образовывали полотнище, которое шло на боковую сторону балка. Нижняя сторона мехового покрытия должна быть несколько длиннее, чтобы шкуры закрывали полозья, на которых стоял балок. Сшитые оленьи шкуры, размещавшиеся на потолочной части, также составляли два ряда покрывок. На нижних шкурах (*ёльдююн*) срезали половину шерсти, в то время как верхние покрывки оставляли нестриженными.

До наступления холодов (уже в начале двадцатых чисел сентября обычно выпадал снег) женщине нужно было успеть подготовить теплую одежду для всех членов семьи. Осенью она шила рукавицы из шкуры дикого оленя, добытого весной, новые калоши,

подновляла одежду и пр. Старую одежду и обувь члены семьи начинали использовать как рабочую.

Таким образом, главное предназначение женщины в традиционном долганском обществе — хранительница семейного очага и мать. Женщины играли важную роль в оленеводческом и промысловом хозяйстве долган. Если мужчина выступал главным образом как добытчик (охотник, оленевод и рыбак), то женщина занималась воспитанием детей, на ее плечах лежали все заботы, связанные с приготовлением пищи, выделкой шкур, шитьем одежды и пр.

Основная сфера приложения женского труда у долган — ведение домашнего хозяйства. Вместе с тем традиционное разделение труда в долганском хозяйстве обуславливало жизненно важную роль женщины, которая обеспечивала ей более независимый статус. Суровые природные условия диктовали необходимость предпринимать совместные с мужчинами действия для выживания, от чего зависела успешность промысла и перекочевков. В то время как мужчины на оленях отправлялись на промысел, женщины со стариками и детьми оставались на месте. Они обеспечивали оставшихся членов семьи теплом, готовили еду, чинили одежду.

В условиях кочевого образа жизни при остановке на следующем месте в обязанности женщины входила установка чума, зачастую в ненастную погоду. Обработкой продуктов оленеводства, охоты и рыбной ловли, ее хранением, изготовлением из нее пищи и одежды — всем этим занимались исключительно женщины. Кроме приготовления пищи, воспитания детей, поддержания очага она выполняла очень трудоемкую работу по шитью одежды и обуви для семьи, которая была связана с выделкой оленьих шкур и камусов. Шитье нюков для чума или покрышек для зимнего балка было чрезвычайно кропотливым и тяжелым, но крайне важным занятием, которое также ложилось на плечи женщин.

Источники

ПМА 2002 г.

СПбФ АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 12.

СПбФ АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 18.

СПбФ АРАН. Ф. 745. Оп. 1. № 12.

Литература

- Антонова 2006 — Антонова А. С природой на «ты». Томск: Томсувенир, 2006. 191 с.
- Афанасьев 1979 — Афанасьев В. Ф. Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1979. 182 с.
- Бетту 2010 — Бетту Е. С. Имена долган. Таймырский дом народного творчества. Красноярск, 2010. 27 с.
- Гурвич 1977 — Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М.: Наука, 1977. 247 с.
- Попов 1952 — Попов А. А. Кочевая жизнь и типы жилищ у долган (по материалам 1930–1931 гг.) // Сибирский этнографический сборник. ТИЭ АН СССР. Нов. серия. М.; Л., 1952. Т. XVIII. С. 142–172.
- Попов 1934 — Попов А. А. Материалы по родовому строю долган // СЭ. 1934. № 6. С. 116–139.
- Попов 1946 — Попов А. А. Семейная жизнь у долган // СЭ. 1946. № 4. С. 50–74.
- Рудинская 2011 — Рудинская А. Д. Чуораан. ТомСувенир, 2011. 192 с.
- Хомич 1994 — Хомич Л. В. Колыбель в традиционной культуре народов Сибири // Памятники материальной культуры народов Сибири. Л.: Наука, 1994. С. 120–163.